

УДК 94(497.1)“1950/1952”

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-116-124

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ СЛОВЕНИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 1950–1952 гг.

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Политика демократизации в начале 50-х гг. XX столетия способствовала оживлению национализма и республиканизма в Словении. Работники государственного хозяйственного аппарата, творческая интеллигенция и журналисты начали позволять себе заявления и действия, ставящие словенские интересы и проблемы на первое место по сравнению с общегославскими. Многие из них объясняли социально-экономические проблемы Словении тем, что она дойная корова Югославии. Оживилось мнение о культурном превосходстве словенцев и стремление дистанцироваться от Югославии. Словенское партийное руководство не справлялось с подавлением этих тенденций, что вызывало неоднократную критику из Белграда.

Ключевые слова: Югославия, Словения, общественное мнение, республиканизм, национализм, кризис.

Словения традиционно являлась регионом Югославии, где центробежные и националистические настроения проявлялись ярче и сильнее всего. В первые годы после образования югославской федерации они ушли в тень, но затем в новых условиях получили более значительное развитие. Эти условия создал социально-экономический кризис, 1950–1952 гг., вызванный политикой индустриализации и советско-югославским конфликтом. В ходе кризиса руководство Югославии развернуло реформы формировавшейся общественной системы, направленные на поиск новых путей строительства социализма. Среди этих реформ выделяются два направления: децентрализация, призванная ограничить контроль союзного центра над активностью республиканских и местных руководств, и демократизация, призванная расширить допустимые рамки проявления свободы мнений. С демократизацией также связаны некоторые изменения в культурной политике, начало которым положил в декабре 1949 г. III пленум ЦК Коммунистической партии Югославии, принявший постановление о школьном деле.

Все эти меры способствовали активизации республиканизма и центробежных процессов в культуре. Под республиканизмом в историографии понимается позиция, отдающая абсолютный приоритет интересам Словении в отношениях с союзным центром и другими республиками. Усилению республиканизма способствовал экономический кризис: его углубление создавало проблемы не только в экономике, но и в культурной сфере, а демократизация, выразившаяся в ослаблении партийной опеки и расширении свободы слова, создавала

благоприятные условия для проявления недовольства и развития центробежных процессов. Впрочем, когда мы говорим о массовом сознании, следует учитывать, что центробежные настроения здесь не всегда принимали форму культурных требований. Очень часто они развивались в экономической сфере и за ее рамки не выходили.

В конце августа 1950 г. в источниках впервые фиксируется рост недовольства в массах существующими межреспубликанскими отношениями. В этой связи в Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении отметили: «Экономические отношения между республиками нужно будет привести в порядок, потому что массы уже это обсуждают» [8, s. 223].

Пока анонимные массы что-то обсуждали, в публичном пространстве выступили словенские писатели. В конце сентября 1950 г. Общество словенских писателей решило созвать внеочередное общее собрание, которое и состоялось 6 октября. Собрание подняло ряд вопросов. Прежде всего писатели обсудили проблемы в отношениях с общегославским обозрением «Книжевне новине» («Литературная газета»). В частности редактор словенского раздела «Книжных новин» Франц Альбрехт отметил, что некоторые из словенских статей сокращали без объяснения, словенские имена передавались не через словенское правописание, а гонорары выплачивались нерегулярно. Эти жалобы Общество поддержало и позднее направило «Книжным новинам» письмо с требованием полной автономии для любого республиканского редактора и угрозой в противном случае отказаться от сотрудничества в редколлегии [8, s. 258].

Автономистский курс получил развитие также при обсуждении вопросов устава Союза писателей Югославии. Здесь словенские писатели пришли к похожему выводу, что Белград взял себе слишком много полномочий, и предложили дать больше самостоятельности республиканским обществам. Это предложение нашло поддержку в других республиках. 24-26 ноября республиканские общества писателей провели совместный пленум в Любляне и договорились разработать новый устав, чтобы децентрализовать Союз писателей Югославии. По старому уставу югославское общество было союзом членов, а согласно проекту нового должно было стать союзом республиканских обществ. Нетерпение писателей было столь велико, что они договорились жить по новым уставным принципам уже с 1951 г. при формальном сохранении старого устава. С соблюдением всех процедур устав был изменен только в 1952 г. на очередном общегославском съезде [2, s. 624, 651]. В историографии на этом событии обычно не делают акцент, между тем это был первый достоверный случай, когда инициатива децентрализации чего бы то ни было исходила не сверху, а снизу.

Однако наибольший резонанс среди всех вопросов, обсуждавшихся писателями 6 октября, вызвало снабжение бумагой. С этим делом в Югославии тогда была очень тяжелая ситуация. Бумаги катастрофически не хватало. Качественные сорта импортировались, а в торговом балансе была чудовищная дыра, валюты не хватало и, как следствие, не было возможности их закупить в достаточном объеме. Экономить приходилось на всем. В ряде учреждений документы печатали на

папиросной бумаге. Из архивов были изъяты документы, не представляющие, по мнению инициаторов этой кампании, историческую ценность, и пущены на оборотки. Сократились тиражи книг и газет, некоторые мелкие издания были полностью закрыты. В этих тяжелых условиях словенские писатели решили подойти к проблеме комплексно и явили миру пример ограниченного республиканского эгоизма, прикрытого заботой о национальной культуре.

В принятой обществом резолюции по бумаге утверждалось, что число публикаций в республике снижается из-за механического распределения бумаги между республиками пропорционально численности населения, тогда как Словения, будучи более культурной республикой, чем остальные, должна получать бумагу в большем количестве. Затем писатели «разоблачили» скрытые преференции для сербскохорватского языка. Помимо контингента бумаги, распределяемого между республиками, есть еще союзный контингент, и он используется для публикаций только на сербскохорватском языке. Македонская и словенская литература на бумаге союзной квоты не печатается. Тем самым осуществляется ущемление словенского языка и культуры. Затем писатели уличили Боснию и Герцеговину, Македонию и Черногорию в транжирстве дефицитной бумаги. А также предъявили претензии союзным властям, что они печатают в словенских типографиях книги для нужд других республик. Эти книги союзные издатели печатают только на сербскохорватском языке, в результате страдает словенская книга [2, s. 622, 623; 3, s. 425]. Резолюцию опубликовала «Людска правица» – центральный орган КПС «без какой-либо критики и с утверждением, что это интересные констатации словенских писателей».

Когда эта новость достигла Белграда, вспыхнул большой скандал. Председателю Хозяйственного Совета Югославии Борису Кидричу, словенцу по национальности, не составило труда поднять данные за 1949 г., по которому была полная отчетность, и показать, что даже с учетом союзной квоты Словения получает 18,8% распределяемой бумаги, что значительно выше доли Словении в населении (8,8%). Никакой политики национального или культурного угнетения Словении с помощью распределения бумаги не проводится. Кидрич справедливо указал, что рассуждения писателей националистические и некорректные по отношению к другим народам Югославии, так как не их вина, что они культурно отсталые – это результат рабского прошлого.

После того как Кидрич устроил жесткую критику писателям, начались самокритика и самооправдания. Словенский литератор Ёсип Видмар признал за собой грех «вербального национализма», указал на раздражающий словенских писателей фактор в лице черногорского поэта Радована Зоговича и главную причину подобных настроений в культурных кругах – тяжелое экономическое положение [3, s. 439]. На самом деле, корни уходили глубже. Словенские писатели явно намеревались решать свои проблемы не с точки зрения общих югославских дел, а с точки зрения республиканского эгоизма, по принципу своя рубашка ближе к телу. К тому же они исходили из тезиса, будто словенский язык ущемляют, а

подобные настроения встречались в Словении еще раньше и были, на наш взгляд, безосновательны.

Как раз в то время, когда скандал, вызванный принятием резолюции по бумаге, только назревал, и в руководящих партийных кругах собирались грозовые тучи, осмелился публично выступить поэт Эдвард Коцбек. Этот бывший лидер христианских социалистов входил в высшее руководство Освободительного фронта и пользовался значительным влиянием, однако идейно не перешел на позиции КПЮ. В условиях демократизации он решил прощупать границы свободы слова и, подобно некоторым из своих коллег в других республиках, позволил себе оценки, отличные от линии партии. Перед глазами Коцбека был живой пример знаменитого сербского писателя Бранко Чопича, который за сатирический рассказ, опубликованный в августе того же года, подвергся публичной травле. Коцбек, будучи не только литератором, но и политическим деятелем, пошел иным путем: он делал это не в художественных произведениях, а в своих статьях и докладах. Там он критически освещал рассматриваемые им проблемы с позиций собственного мировоззрения. Эти суждения вызывали острую реакцию со стороны Карделя и Кидрича, хотя члены словенского Политбюро относились к «выпадам» Коцбека более терпимо.

Осенью 1950 г. Коцбека потянуло на рассуждения о «низших цивилизациях». В интервью данном 19 сентября газете «Словенски порочевалец» он заявил, что «в народном просвещении мы остались в примитивных, во многом прямо-таки вульгарных формах пропагандизма и утилитаризма. У нас нет азбучной неграмотности, зато есть худшее – мы опустили до подражания низшим цивилизациям». 28 октября в статье «О народном образовании», опубликованной в той же газете, Коцбек повторил, что «мы после освобождения скатились в примитивные, прямо-таки вульгарные формы пропагандизма и утилитаризма и опустили до подражания низшим цивилизациям» [5, s. 4; 7, s. 4].

Разделы интервью, посвященные культуре, переполнены у Коцбека рассуждениями о необходимости самопознания словенцев, обращения к своей культуре, истории и национальной психологии. На этом фоне рассуждения о неграмотности и низших цивилизациях воспринимаются как выпад против других югославских народов. Аналогично обстоит дело со статьей. Коцбек обосновано критикует недостатки и призывает к более тонким и умным методам социалистической культурной политики. Однако истоки вскрытых им недостатков он видит в некритическом заимствовании из сферы низших цивилизаций. Содержание статьи позволяет усмотреть среди ее представителей как СССР, так и балканские народы. Статья подталкивает именно к такому восприятию позиции автора, потому что он везде последовательно противопоставляет критикуемый примитивизм свойствам словенского человека. На этом фоне призыв к более тонким и умным методам культурной работы неизбежно получает ярко выраженный националистический оттенок.

Коцбек оправдываясь утверждал, что этими словами хотел сказать – нельзя опускаться ниже своего культурного уровня. Однако на фоне национальной

озабоченности и эгоизма Общества словенских писателей, членом которого был и сам поэт, его рассуждения порождали однозначное восприятие. Кидрич, главный организатор атаки на Коцбека, видел в них две интерпретации: либо это шовинистический намек на русских, либо высокомерное отношение к другим народам Югославии, которое он обозначил как «балканизм» [3, s. 429–430, 434–435]. Второй версии он в основном и придерживался. Интересно, что критические рассуждения Коцбека о культурной политике и образовании не вызвали у вышестоящих товарищей каких-либо замечаний. За «низшие цивилизации» Коцбека критиковали до апреля 1951 г., пока он не дал новую почву для осуждения. Но это уже никак не было связано с республиканизмом.

Историк А. Габрич полагает, что острая реакция на публичные критические выступления Коцбека была вызвана атмосферой «холодной войны» и международными проблемами Югославии. Как раз к концу 1940-х гг. у нее обострились отношения с Ватиканом – дело закончилось их разрывом – а Коцбек был все-таки христианским социалистом. Если бы он превратился в самостоятельную политическую фигуру, он мог бы стать центром притяжения для самых различных оппозиционных сил. Такую возможность партия старалась пресечь в зародыше [2, s. 633]. Предположение Габрича не лишено оснований. В его подтверждение невозможно привести каких-то недвусмысленных высказываний, однако косвенно его подтверждают материалы разнообразных заседаний, посвященных поведению Коцбека. Каждый раз в комплексе с высказываниями Коцбека рассматривались вопросы оживления реакции, в том числе и клерикальной. В итоге Коцбек был просто отстранен от общественной жизни к лету 1951 г.

Высказывания Коцбека о «низших цивилизациях» и резолюция по бумаге рассматривались 13 ноября 1950 г. на заседании Исполкома ОФ. Там Кидрич выступил с докладом, где помимо уже известных нам случаев отметил еще некоторые проявления республиканизма, созвучные резолюции о бумаге: «Вам известно, что подобных дискуссий сейчас в Словении много. Так я слышал об утверждении, что словенские рабочие хуже оплачиваются, чем рабочие в других республиках. Статистические данные нам показывают, что словенские рабочие с учетом более хорошей квалификационной структуры вознаграждаются приблизительно на 10–15% выше, чем в других республиках». Кидрич не указал, кто именно распространял эти сведения, однако уже в июне словенские хозяйственные руководители решили создать для них почву и обратились с жалобой в Хозяйственный Совет на слишком большой разрыв ставок квалифицированных и неквалифицированных рабочих и попросили снизить зарплату квалифицированным. Кидрич не возражал [6, s. 217]. На заседании исполкома ОФ Кидрич также отметил, что «раздаются утверждения, что жилищный кризис хуже всего в Словении. Говорят даже о статистических данных, хотя у нас их еще нет на руках», поскольку результаты недавней переписи населения все еще обрабатываются [3, s. 426]. Таким образом, и здесь претензии снизу носили бесосновательный характер.

Обобщая картину осени 1950 г. Кидрич предельно четко отметил: «...В Словении все чаще появляются утверждения, что в Белграде проводится

неправильная экономическая политика, которая причиняет ущерб словенскому народу и его экономическому развитию, что материальные блага неправильно распределяются, что словенцы при этом терпят убытки и т.д.» Эти утверждения распространяются в среде мелкобуржуазной интеллигенции и в государственном хозяйственном аппарате республики [3, s. 424–425]. Действительно, писатели, когда стали оправдываться, указали, что опирались на данные по бумаге, которые им сообщили в республиканском государственном аппарате. Кидрич обобщая отметил, что в Словении происходит оживление национализма, так как трудности, которые возникают из-за различных экономических диспропорций, истолковываются как результат национальной политики [3, s. 434]. Член Политбюро ЦК КПС Сергей Крайгер тоже согласился с оценкой об усилении буржуазного национализма и признал наличие националистических явлений в экономике, государственном аппарате и у тех, кто решает экономические проблемы [3, s. 436].

В январе 1951 г. на Политбюро ЦК КПС были конкретизированы носители республиканизма. Было указано, что националистические настроения, будто в других республиках лучше живут, проникают также в партийные ряды [3, s. 562; 8, s. 251]. Кидрич указал, что националистические тенденции развиваются на экономической почве, в частности будто бы Белград задевает чувство суверенитета словенцев [8, s. 258].

В конце апреля 1951 г. импульс обсуждению проблем национализма дало новое критическое выступление Коцбека. Кардель констатировал «прорыв словенского менталитета через окружение практицизма», вследствие которого растет национализм [8, s. 266] а Кидрич отметил центробежные тенденции на уровне руководства: «Прекращена взаимная защита партийной линии. Делегации, которые направляются [из Словении] в Белград, высказываются о том, что они ничего не могут сделать. – Не солидаризироваться с линией ЦК КПЮ» [8, s. 268]. Одновременно Кидрич высказал мысль об активизации в Словении остатков реакции и указал на ряд видных попутчиков КПЮ по Освободительному фронту. Об общественной атмосфере, складывающейся в Словении, свидетельствует характерное замечание Кидрича, работавшего в Белграде: «У меня ощущение, что я приезжаю как иностранец» [8, s. 267].

После этого характеристика общественных настроений в Словении и в частности развития националистических настроений на некоторое время исчезает из источников, хотя они никуда не делись. Представители хозяйственного блока словенского правительства ревностно следили за поведением других республик под давлением своего общественного мнения. Когда в ноябре 1951 г. с территории Сербии был вывезен 41 вагон древесины, представитель словенского Хозяйственного Совета пожаловался на это Хозяйственному Совету Югославии. Дескать поведение сербских хозяйственных руководителей «создает политические трудности для мобилизации вывоза леса из Словении в Сербию». Похоже, на низовом уровне этот шаг Сербии спровоцировал рассуждения, что там есть излишки леса и потому его незачем поставлять туда из Словении. Кидрич стал на сторону словенцев и постановил запретить вывоз леса из Сербии, признав, что этот вопрос

является политическим не только для Словении, но и для Хорватии [6, s. 331]. Через полтора месяца все подобные «политические» вопросы ярко вспыхнули при публичном обсуждении проекта плана на 1952 г.

Будучи осведомлен о настроениях в республике, Кидрич заранее начал идеологическую подготовку. 8 января на VI пленуме ЦК КПС Кидрич отметил, что на предприятиях будут возмущаться, почему в Словении более высокие нормы накоплений, чем в других республиках и выдвинул контраргументы, которые предложил распространять через печать [4, s. 470]. Также Кидрич заранее указал, что за враг выступит против, и где он притаился. Это государственный экономический аппарат, причем как республиканский, так и местный. Именно оттуда исходят «разные вещи, которые потом рабочие распространяют не проверив в своей среде». Настроения этих работников госаппарата Кидрич характеризовал, не скупясь на слова, как партикуляристские, шовинистические, националистические, «короче говоря, мелкобуржуазные и панические». Кидрича беспокоило, что эти чиновники действуют в характерной для Словении психологической среде, которую отличают «мощная мещанская психология и филистерский менталитет». В этих условиях носители вражеского менталитета в экономике попытаются склонить на свою сторону рабочий класс и даже превратить в свой рупор рабочие советы [4, s. 462].

Опасения Кидрича оказались небезосновательны. 14 и 25 января Хозяйственный Совет Югославии отмечал, что в Словении при обсуждении проекта плана на 1952 г. «выступают очень шовинистически», особенно в связи с нормами накоплений [6, s. 364, 383]. 15 января 1952 г. разбору ситуации в Словении посвятило отдельное заседание Политбюро ЦК КПЮ (в Архиве Югославии протокол этого заседания ошибочно датирован 1949 г.). Генеральный секретарь Йосип Броз-Тито отметил, что аналогичные явления есть и в других республиках, но в Словении они наиболее выражены. Словенские партийные лидеры признали, что они фактически теряют контроль над гуманитарной интеллигенцией (журналистами, адвокатами и т. д.) [1, l. 13, 14, 17]. В качестве особой проблемы была отмечена активизация антиюгославских настроений в эмигрантских кругах, которые создали центры в Тиесте и Целовце (Клагенфурте). Б.Крайгер отметил: «Для нас опасна группа Яворника, поскольку она говорит в программе, что у словенцев нет ничего общего с остальными южными славянами. Наблюдается сильная активизация, и они думают, что пришло время работать над разрушением Югославии. Они утверждают, что сейчас она нужна. Но когда пройдет опасность от русских, тогда Америка нажмет, и дело дойдет до распада. Об этом же говорят и в круге Коцбека и в кругах вокруг Академии наук» [1, l. 15]. Мирко Яворник – писатель, по взглядам антикоммунист. Он работал в эти годы на радио Триеста политическим обозревателем, а во время войны был сторонником коллаборационистов. Получается, что его антиюгославистские взгляды шли извне Словении, но начали находить какой-то отклик в рядах творческой интеллигенции.

На этом же заседании Политбюро как словенские, так и югославские политики отметили националистические деформации в первую очередь в государственном, но

также и в партийном аппарате, а некоторые обвинили словенское политбюро, что оно даже способно оказывать им поддержку [1, л. 14, 16, 18, 19]. Поэтому уже 26–27 января для разбора ситуации был созван VII пленум ЦК КПС. Докладчик Борис Крайгер, который был министром внутренних дел, отметил появление националистических тенденций [4, с. 516]. Лескошек, Маринко и Кидрич констатировали, что во время дискуссии по проекту плана «практически на всех фабриках техническая интеллигенция и особенно коммерческий персонал практически везде выступали против проекта общественного плана и доказывали рабочим, что общественный план причиняет ущерб Словении, что Словения – дойная корова, которую используют другие республики; причем этот персонал «скандалил» над различиями в нормах и т.д.». Правда Кидрич утешил себя тем, что рабочие в основном обнаружили здоровую реакцию на эти заявления [4, с. 518]. В феврале 1952 г. партийные лидеры Словении несколько дополнили эти оценки. Так Политбюро ЦК КПС выявило, что в Любляне носителями возникающих шовинистических лозунгов зачастую являются члены партии. А Кидрич выступая на совещании в Белграде отметил еще раз, где гнездится враг: «Эти мещанские и буржуазные остатки, а во многом и шовинистические, появляются особенно в коммерческих секторах и в дирекциях, и в управлениях предприятий. Мы из экономических и политических соображений не смеем допустить такие проявления шовинизма» [4, с. 528].

Для характеристики общественных настроений в Словении важно отметить поведение прессы. VII пленум выявил, что и на этом участке возникли проблемы. Кидрич обнаружил, что хотя он своевременно подготовил контраргументы против тех, кто считает Словению дойной коровой, ни одна словенская газета в этом духе ничего не написала [4, с. 520, 524]. Хуже того, Б. Крайгер констатировал формирование оппозиционных взглядов у некоторых журналистов [4, с. 516]. Кидрич согласился с его мнением, что пресса одно из самых слабых мест в республике. «Не только через газеты и журналы мы не осуществляем свое политическое влияние, но напротив мы еще и допускаем, чтобы дело доходило до очень сильного чуждого влияния» [4, с. 520].

Реальное положение с прессой было даже хуже, чем зафиксировано в доступных материалах пленума. В Словении набирала обороты информационная изоляция от Белграда и остальной Югославии. Местные жители, по крайней мере в столице, почти не читали центральных югославских газет, так как те издавались на сербскохорватском языке. Впервые мы встретили упоминание об этом в протоколе заседания Политбюро ЦК КПС от 14 июля 1951 г. Однако проблема, по-видимому, имела более глубокие корни, так как еще в апреле 1949 г. Политбюро рассматривало вопрос о словенском издании «Борбы» – главной югославской газеты. Тогда от этой идеи пришлось отказаться по техническим причинам, однако проблема никуда не исчезла и видимо только обострилась в условиях демократизации и децентрализации. 20 ноября 1952 г. Б.Крайгер отметил подчеркнутую потребность в таком издании. Вопрос вызвал у членов Политбюро очень активную дискуссию [8, с. 150, 271, 320–322]. То есть в республике получали представление о жизни

остальной Югославии в интерпретации местных журналистов, а в их среде, как мы только что видели, в условиях политики децентрализации и демократизации стали появляться оппозиционные националистические настроения. Это только усиливало центробежные тенденции и укрепляло республиканизм.

Таким образом, политика демократизации в начале 1950-х гг. способствовала оживлению национализма и республиканизма в Словении. Работники государственного хозяйственного аппарата, творческая интеллигенция и журналисты начали позволять себе заявления и действия, ставящие словенские интересы и проблемы на первое место по сравнению с общегославскими. Многие из них объясняли социально-экономические проблемы Словении тем, что она дойная корова Югославии. Оживилось мнение о культурном превосходстве словенцев и стремление дистанцироваться от Югославии. Словенское партийное руководство не справлялось с подавлением этих тенденций, что вызывало неоднократную критику из Белграда.

Список использованных источников и литературы

1. Arhiv Jugoslavije. – F. 507: Sednice IK CK SKJ. – P. III/39: Zapisnik sa sednice Politbiroa CK KPJ 15. januara 1949. godine. – L.13–25.
2. Gabrič A. Slovenska agitpropovska kulturna politika, 1945-1952 // Borec. Revija za zgodovino, literaturo in antropologijo. – 1991. – № 7-8-9. – S.470-655.
3. Kidrič B. Sabrana dela. – Beograd, 1985. – Knj.6. – 609 s.
4. Kidrič B. Sabrana dela. – Beograd, 1985. – Knj.7. – 663 s.
5. Kocbek E. O ljudski prosveti // Slovenski poročevalec. – Št. 257. – 1950. – 28 oktobra.
6. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ, 1944–1953. – Beograd, 1995. – Knj.4. – 823 s.
7. Razgovor z Edvardom Kocbekom // Slovenski poročevalec. – Št.223. – 1950. – 19 septembra.
8. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. – Ljubljana, 2000. – 386 s.

Shakhin Y. V. Public opinion on the situation of Slovenia in the conditions of the 1950–1952 crisis

The politics of democratization in the early 1950's contributed to the revival of nationalism and republicanism in Slovenia. Employees of the state economic apparatus, creative intelligentsia and journalists began to make statements and actions that put Slovenian interests and problems in the first place in comparison with those of the general Yugoslavia. Many of them explained the socioeconomic problems of Slovenia by the fact that it was the cash cow of Yugoslavia. Opinion about the cultural superiority of the Slovenes and the desire to distance themselves from Yugoslavia revived. The Slovenian party leadership failed to cope with the suppression of these tendencies, which caused repeated criticism from Belgrade.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, public opinion, republicanism, nationalism, crisis.